



**АЛЬБИНА НУРИ**

**ДОЧЬ ВЕДЬМЫ**

Страшные истории от Альбины Нури

Альбина Нури

**Дочь ведьмы**

«Автор»

2024

## **Нури А.**

Дочь ведьмы / А. Нури — «Автор», 2024 — (Страшные истории от Альбины Нури)

Перед вами – галерея мрачных и завораживающих кошмаров от мастера мистических триллеров и страшных рассказов Альбины Нури. Демоны и бесы, ведьмы и злобные духи, призраки и домовые, ожившие мертвецы и чудовища из городских легенд ждут вас на страницах нового сборника «Дочь ведьмы». Ужас таится повсюду: на улицах городов, в глухих деревнях, заброшенных зданиях, на безлюдных дорогах, в дачных поселках, на берегу озера, в лесной чаще, даже в собственном доме – и абсолютно каждый человек может оказаться в эпицентре невыносимой жути...

© Нури А., 2024

© Автор, 2024

## Содержание

Подарок любимой	5
Шмелевы	13
Хранитель дома	18
Дочь ведьмы	24
Беспокойный дом	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

# Альбина Нури

## Дочь ведьмы. Рассказы

### Подарок любимой

– Хорошо тут, правда? – Степан вытащил из кармана ключи от коттеджа и пошел к двери. – Заходи, осмотришь пока, я сумки из машины принесу.

Он открыл дверь и приглашающе распахнул ее.

– Тебе нравится?

Вроде вопрос задал, но ответа ждет только утвердительного.

Светлана не подвела, даже улыбку выдавила, поднялась на крыльцо.

Коттедж «Ностальгия» был одним из пятнадцати коттеджей туристического комплекса «Сосновый рай», расположившегося на высоком холме, возле реки. Комплекс находился в пятидесяти километрах от города, и горожане, из тех, у кого были соответствующие финансовые возможности, облюбовали это место для отдыха. Зимой можно было кататься на лыжах, летом – купаться в речке. Бонусом – свежий целебный сосновый воздух, беседки и мангалы.

Аккуратные, нарядные, прекрасно меблированные дома стояли среди деревьев на приличном расстоянии друг от друга, с таким расчетом, чтобы обитатели коттеджей не мозолили друг другу глаза.

В поселке, что притулился внизу, в паре километров от «Рая», у подножия холма, все было не так радужно: асфальт в рытвинах, унылые двухэтажки и частные дома, школа в здании барачного типа, заправка и несколько магазинов, где гости «Рая» могли при желании затовариться едой или выпивкой.

Степан со Светой тоже остановились проездом: забыли в городе хлеб купить. Когда выходили из продуктового, Светлана увидела возле магазина старуху, продававшую семечки, пучки трав, сушеные ягоды и соленья в банках, видно, собственного производства.

Есть домашние консерванты, неизвестно, как приготовленные, Светлана не стала бы и под дулом пистолета, но поддержать старушку захотелось, и она купила тыквенных семечек, заплатив за них вдвое больше того, что просила пожилая женщина.

– У меня все свое, с огорода. Ешь на здоровье, дочка. Сплошная польза, – напутствовала та, поправляя платок.

Степан вышел из магазина и спросил, не заботясь, что старуха слышит:

– Ты с ума сошла? Сплошная антисанитария, я тебе как врач говорю.

«Антисанитария – это тащить в свою кровать всех подряд», – с горечью подумала Светлана.

Ей было неудобно перед старушкой, которая с обидой смотрела вслед отъезжающей машине. Думала, наверное, вот же хамы городские.

В коттедже оказалось уютно и чисто. Немалая цена была оправдана отличным качеством. Домик был двухместный, одноэтажный: большая комната – гостиная, совмещенная с кухней, плюс спальня с роскошной кроватью и санузел.

Степан перетащил сумки в коттедж.

– Ты вещи разбери, там шкаф и комод в спальне, а я столом займусь. У плиты ни секунды стоять не будешь, сегодня твой праздник, Восьмое Марта.

Степан говорил про шкаф и комод уверенно, по-хозяйски, как будто это был его дом, он знал, что тут где. А может, и знал: вон с каким знанием дела открывает кухонные шкафчики, выдвигает ящики.

– Ты здесь уже бывал, да? С кем? С этой? – не удержалась она.

Степан поморщился, взъерошил волосы.

– Свет, ну хватит. Прошу тебя. Сколько я могу умолять, прощения просить? Я уже не знаю, какие мне слова подобрать. В ногах у тебя, что ли, поваляться? Было, да, я виноват, я кобель! Но больше же не будет, обещаю.

«А того, что бывал в «Раю», не отрицает!»

Сто процентов, что приезжал сюда, а она, дура, верила, что любимый муж на симпозиумах, конференциях и сверхурочных ночных дежурствах. Так и не узнала бы ничего, если бы Мария, старшая сестра Светы, не увидела Степу с какой-то цыпочкой в ресторане. Она мимо шла, а Степан с бабой за столиком сидели. Мария сфотографировала, как Светин муж ее поцеловал.

Светлана хотела развестись, но Степан клялся в любви, заваливал жену цветами, божился, что «там» все кончено, он ошибся, это было в первый и последний раз.

– Врет, скотина наглая, – говорила Мария, которая Степу всегда недолюбливала. – Развода боится. У тебя деньги, ты зарабатываешь в пять раз больше, чем он в своей больничке. Квартира твоя, а не его. И дача.

Сама Мария замужем никогда не была, и Свете хотелось думать, что у сестры просто предубеждение против брака в целом и Степы в частности. Но она была финансовым аналитиком, голова у нее работала хорошо, и уж два и два Светлана сложить умела. Верила мужу свято, но, когда вскрылась правда, проанализировала факты и поняла, что изменял он ей неоднократно.

Та цыпочка была далеко не единственной. Скорее всего, в списке были и медсестры из его клиники, и молодые коллеги-врачи на конференциях, и благодарные пациентки.

Но все же хотелось верить в лучшее, горько было взять и все разрушить, перечеркнуть пять лет брака. И своей любви, доверия к этому человеку было так жаль, что выть хотелось, а в груди пекло от боли. Свете, по натуре интроверту, погруженному в мир цифр, казалось, что Степа – обаятельный, веселый, слегка циничный, но добрый – ее судьба.

Расставаться с этой мыслью было невыносимо, хотя умом женщина понимала, что необходимо. Однако, когда муж неделю назад предложил «перезапустить» отношения, провести вместе три выходных дня в романтической обстановке, забыть о былом, дать ему еще один шанс, согласилась поехать на праздник в «Сосновый рай».

И надеялась, что не совершает ошибку.

Начало марта в их широтах – весна только календарная. А на самом деле – самая настоящая зима. Стемнело довольно рано, снег еще и не думал таять, а к вечеру ощутимо подморозило.

Пока Светлана раскладывала вещи и отдыхала в спальне (лежа на кровати и стараясь гнать от себя мысли о том, лежал ли тут прежде Степан), муж колдовал над ужином. Готовить он умел, но занимался этим редко, по настроению.

Кровать была удобная, и Светлана задремала (вчера, в предпраздничный день, пришлось задержаться на работе допоздна, легла поздно, не выспалась). Когда открыла глаза, было темно. На улице включилось ночное освещение – фонарь над входом, лампочки на деревьях.

Из-за двери доносилась приглушенная музыка, тихо позвякивала посуда. Степан накрывал на стол. Сколько же она спала? Как выяснилось, почти два часа.

Светлана поспешно встала, подошла к туалетному столику, причесалась, подкрасила губы, поправила макияж. Свет горел только перед зеркалом, комната тонула во мраке. Вглядываясь в свое отражение – короткая стрижка, усталые глаза, немного резкие, но правильные черты – Светлана вдруг заметила в глубине комнаты, в темном углу, какое-то движение. Вроде бы кто-то прошел возле кровати.

Она быстро обернулась, пригляделась, но никого не увидела.

Снова обернулась к зеркалу, думая, что померещилось, обычный обман зрения. Только ничего не почудилось! На кровати, свесив руки между колен, опустив голову и уставившись в пол, сидел человек.

У Светы вырвался хриплый вскрик. Она смотрела на отражение и не верила, что видит его. Когда раздался острожный стук в дверь, подскочила на месте и еле удержалась, чтобы не завопить.

– Светик, ты проснулась? – Степан приоткрыл дверь. – Ужин на столе. Пойдем, дорогая. Она облизнула губы и снова поглядела в сторону кровати. Там никого не было. Все-таки показалось! Игра теней.

Большая комната была погружена во тьму. Светильники над столом и свечи – вот и все освещение, по углам клубился мрак.

– Закуски на столе. Горячее будет через десять минут, а пока я хотел бы поднять тост за прекраснейшую из женщин, за мою обожаемую жену, которая...

Степан произносил тост, он всегда был велеречив, а у Светланы из памяти не шел черный силуэт на кровати. С чего вдруг ей стало казаться и видеться? Прежде такого не случалось.

Муж потянулся к ней, держа в руке бокал с шампанским. Они чокнулись, раздался печальный звон.

– До дна, любимая!

Света почти не пила, плохо переносила алкоголь. Поэтому, невзирая на его слова, едва пригубила и поставила бокал на место.

– Мелодия странная, – сказала Светлана.

Муж прислушался.

– Обычная, музыка как музыка, – пожал плечами он. – А что такое?

– Как будто плачет кто-то на фоне? Не слышишь?

– Нет. Ничего подобного. Постой, я другое что-то включу, раз не нравится.

Степан нажал на нужные кнопки, заиграла рок-баллада, очень известная, Свете она нравилась. Но и на сей раз поверх знакомой мелодии раздавался женский плач. Тихий, безутешный. Сердце рвалось.

– Ты вправду не слышишь? – нервно спросила Светлана. – Плачет кто-то. Женщина.

Степан дернул углом рта: чушь, бред.

– Ничего не слышу, Светик. Если музыка тебя раздражает, так и скажи. Я просто ее выключу.

Она хотела возразить, но он уже сделал это. Воцарилась тишина.

– Так лучше?

Светлана откашлялась и виновато кивнула.

– А теперь – подарок! – возвестил муж.

– Ты утром цветы подарил.

– Это было только начало.

Он жестом фокусника извлек из кармана коробочку и протянул жене.

– Открой, дорогая.

Коробка была длинная, зеленого бархата. Светлана открыла ее и увидела толстую золотую цепочку с кулоном в форме сердца. В центре сердечка мерцал алый камушек.

– В знак моей любви.

На вкус Светы кулон-сердечко был пошловат, но она постаралась улыбнуться радостно и благодарно.

– Спасибо большое. Право, не стоило.

– О чем ты говоришь, родная. Позволь, я помогу.

– Чем поможешь?

– Застегнуть, разумеется. Ты не желаешь примерить?

– Да, конечно.

Он встал у Светланы за спиной, начал возиться с застежкой. Металл охлаждал кожу, и это было неприятно. Какое-то змеиное прикосновение.

А потом Светлане показалось, что воздуха не хватает. Цепочка словно бы обвилась вокруг ее шеи, стала давить. Паника накрыла душной волной.

«Что со мной? Сердце? Приступ?»

Светлана вскинула руки, схватилась за шею, стала убирать ладони мужа.

– Что такое? В чем дело?

– Я... Я не... Не могу дышать!

Она нашарила цепочку, рванула с шеи, но замочек был уже застегнут.

– Убери! – прохрипела Светлана. – Убери ее!

Степан послушался, расстегнул замок, и Светлана сдернула украшение, отшвырнула прочь. Сразу стало легче, и Света, дыша полной грудью, уже сама не понимала, что на нее нашло.

Степан поднял с пола цепочку и смотрел на жену, держа золотую змейку в руке.

– Если тебе не понравилось, нужно было сказать. К чему этот спектакль?

Голос его звучал холодно.

– Прости. Пожалуйста, прости. – Она помассировала пальцами виски. – Цепочка прекрасна, дело не в этом. Что-то вроде панической атаки, я думаю. Показалось, что дыхания не хватает.

Муж встревожился, взял Свету за руку, померил пульс.

– Надо давление померить, пульс высоковат. Приедем домой, пройдем обследование.

– Перестань, это же только один раз случилось, – запротестовала она.

– Все с чего-то начинается. У тебя сердце не очень здоровое, ты же помнишь.

– Помню.

«Ты бы раньше о моем сердце думал», – промелькнуло в голове.

– Обязательно сдашь анализы.

– Степа, пожалуйста. Забудем и вернемся к столу, хорошо?

Он убрал цепочку в футляр, супруги снова сели за стол, чувствуя некоторое смущение. Чтобы разрядить обстановку, Степан стал рассказывать бесконечные врачебные байки, Света делала вид, что они ее забавляют.

– Ты ничего не ешь.

– Все очень вкусно, – торопливо проговорила она, подцепив кончиком вилки маслину. – Ты же знаешь, я всегда мало ем.

– Поэтому такая худенькая. Я тебя за эти дни откормлю.

«Как на убой», – промелькнуло в голове.

Светлана вздохнула и почувствовала в воздухе запах гари.

– У тебя ничего не пригорело? – спросила она.

Степан вскочил с места.

– Черт, неужели... Таймер же стоит!

Он унесся к плите, Света услышала, как муж открыл духовку.

Светлана вяло ковырялась в тарелке. Степан приготовил греческий салат, разложил на тарелках зелень, мясную нарезку, несколько сортов сыра, а еще – морепродукты, которые она терпеть не могла.

«Перепутал, наверное, – раздался в ушах язвительный комментарий сестры, – немудрено!»

Свечи, до этой секунды горевшие ровно, затрепетали, точно кто-то махнул возле них рукой. Огоньки плясали и дергались, хотя ни единого дуновения ветра Светлана не ощущала. Осмотрелась, и ей показалось, что в проеме двери, ведущей в спальню, стоит человек.

– Степан! – громко сказала она, желая позвать мужа на помощь, но тот и сам уже шел к столу, неся блюдо с мясом.

– Свиная шея по-французски.

В его присутствии было спокойнее, и Светлана, набравшись храбрости, встала со стула, включила люстру. В дверном проеме было пусто. Она решительно прошла в сторону спальни, зажгла свет, осмотрелась. Никого.

– Светик, – позвал Степан. – Ищешь кого-то?

Она закрыла дверь в спальню и вернулась за стол.

– Прости. Мне всего лишь показалось кое-что.

Степан раскладывал мясо по тарелкам.

– Позволь за тобой поухаживать. У меня созрел тост под горячее.

Она вымученно улыбнулась. Сердце все еще колотилось. Запах гари усилился.

– Итак, мне хотелось бы выпить за...

– Так свинина все же пригорела? – перебила мужа Света.

Он умолк и нахмурился.

– Нет, с ней все в порядке, сама смотри. Или ты уверена, что я ничего толком сделать не в состоянии, даже дурацкое мясо запечь?

– Я этого не говорила, но запах! Ты не чувствуешь? Горелым пахнет.

Степан поставил бокал на стол.

– Послушай, я не понимаю, зачем ты это делаешь. Я стараюсь. Стараюсь, как могу! А ты нарочно придираешься: то музыка не та, то цепочка душит, то гарью несет.

– Я ничего не делаю! – возмутилась Света. – И тоже стараюсь, кстати. Думаешь, мне легко все забыть и делать вид, будто ничего не было?

– Мы же договорились не вспоминать! Ты меня до пенсии собираешься притыкать моим проступком?

– Проступком! Слово-то какое нашел!

– Но ведь не преступлением же! Света, пойми, любой может разок ошибиться, я не святой, но ты обещала попробовать простить меня.

– Ты стараешься, я знаю! Но... Это странное место! Мне тут не нравится.

Они умолкли, глядя друг на друга.

Степан не понимал, что не так. А она не могла не думать о темном силуэте, пляшущих огоньках свечей, звуках и запахах.

– Не будем об этом говорить, ладно? – предложил он. – Просто спокойно поужинаем.

Света кивнула.

Муж молча ел, мясо казалось ему вкусным. Светлана пыталась пропихнуть в горло хоть один кусок, но это было невозможно: запах горелого мяса забивался в нос, она не чувствовала вкуса.

«Вдруг это опухоль мозга? Есть такой симптом: человек чувствует несуществующие запахи!»

Пытка ужином закончилась в молчании. Муж отправился мыть посуду, Света накинула пальто и вышла на крыльцо подышать. На улице было холодно, зато ничем противным не пахло, только свежий хвойный аромат.

Постепенно Света пришла в себя, повернулась к двери, чтобы войти. Комната за большими окнами дышала покоем, верхний свет не горел, Степан оставил зажженными лишь свечи да светильник возле кресла, что стояло в противоположном от стола углу. Она хотела открыть дверь и войти, но огни свечей снова заплясали, словно потревоженные порывом ветра, а потом...

За столом, на том месте, где недавно сидела Светлана, теперь сидел человек. Женщина, судя по длинным волосам. Кажется, она была одета во что-то темное, в полумраке толком

не рассмотреть. Низко склонилась над столом, лица не видно, волосы свешивались, окутывая голову и плечи черным покрывалом.

«Не может быть! Откуда она взялась?»

Света застыла, ужас сдавил горло. Хотела позвать мужа, но не смогла.

Он вошел сам. Прошел мимо сидящей за столом незнакомки, не обратив на нее ни малейшего внимания, приблизился к столу, погасил свечи. Стало заметно темнее, теперь фигура неведомой посетительницы едва угадывалась.

Степан вышел из кухни, отправился в ванную. Уже одиннадцатый час, пора принимать душ и ложиться спать.

«Он не видит ее. Почему Степан не видит женщину и ничего не замечает? Почему только я?»

К горлу подкатила тошнота. Света едва успела сбежать со ступенек, ее вывернуло прямо возле крыльца.

Когда она, ослабевшая, дрожащая от холода и страха, нашла в себе силы вернуться, открыт дверь коттеджа, незнакомка исчезла. Запах гари исчез вместе с нею.

– Напор отличный, – сказал Степан, выходя из ванны в облаке пара, с полотенцем, обернутым вокруг бедер. – С тобой все хорошо? Ты бледная.

Светлана уверила мужа, что все отлично, и тоже отправилась принимать душ.

Позже, в спальне, Степан попытался обнять ее, но она высвободилась и сказала, что еще не готова. После того, как раскрылась его измена, они еще не возобновили супружеские отношения. Возможно, Степан и решил, что сейчас подходящий момент – на то и романтический вечер при свечах, но Светлану при мысли об этом снова стало мутить, в голову полезли мысли, что муж точно так же тянулся к другой женщине, шептал ей на ухо ласковые слова и целовал. Картина была такой отчетливой, что Света испугалась, как бы ее опять не вырвало прямо тут.

– Что ж, я понимаю. Подожду, сколько нужно, – кротко сказал Степан и отвернулся к стене. Вскоре он уже похрапывал.

Светлана приняла таблетку снотворного, боясь не заснуть, и, слава богу, тоже погрузилась в сон.

Проснулась от запаха гари.

«Пожар!» – польхнуло в голове.

Запах усилился стократно. В комнате было слишком жарко. Света повертела головой – ничего не горело.

Она протянула руку, взяла телефон, посмотрела на часы. Половина шестого утра. Было еще темно. Она решила осмотреть дом, хотя и понимала, что запах – фантомный, как и за ужином. Встала, стараясь не разбудить крепко спящего мужа, вышла из спальни. Ничего не горело, но запах был невыносим.

К тому же Светлане вновь почудился женский плач.

«Я схожу с ума», – подумала она.

Все тело горело, в коттедже было невыносимо жарко, как будто сами стены раскалились. Интересно, это тоже только в ее воображении? Степан спал, укутавшись с головой, ему явно жарко не было.

Светлана решила умыться холодной водой. Может, полегчает. А потом посидеть, почитать. Уснуть вряд ли получится, да и не хотелось уже возвращаться в постель.

Она открыла кран, набрала полные пригоршни воды, окунула лицо в прохладную влагу. В этот момент за спиной раздался тихий вздох. Сердце ударилось о грудную клетку с такой силой, что едва ее пробило. Светлана выпрямилась. Перед ней было зеркало, и она увидела в отражении свое лицо – помятое ото сна, перепуганное, со стекающими по щекам каплями воды.

За ее плечом, буквально в двух шагах стояло жуткое существо.

Это была та самая женщина, которая преследовала Свету весь прошлый вечер, только теперь Светлана смогла отчетливо ее рассмотреть. Редкие, клочковатые темные волосы свисали по обе стороны лица. Лицо, обожженное, со сползающей с черепа кожей, было ужасным. Тело тоже обгорело до костей, плоть отслаивалась, а в белых глазах застыла чудовищная боль.

Гостья смотрела на Свету из Зазеркалья. Из беззубого рта вырывался стон.

«Вот откуда запах гари!» – подумала Света, едва не теряя сознание.

Внезапно женщина рванулась вперед, и Светлана развернулась к ней, чтобы встретить опасность лицом к лицу, оттолкнуть. Она закричала, и от этого вопля в глубине уютной спальни проснулся Степан.

Обернувшись, Света увидела, что ванная пуста. Никого не было, кроме нее, но запах горелого мяса никуда не делся.

Доказательством того, что обгоревшая женщина ей не померещилась, были следы сажи на идеально белой плитке на полу.

– Она была здесь! – прошептала Света.

– Милая! Ты в порядке? Почему ты кричала? Открой дверь!

Не отвечая, она подошла ближе к следам, желая рассмотреть их, но запнулась о коврик возле ванны, и, чтобы удержать равновесие вытянула вперед руку. Ладонь коснулась махрового халата Степана, который висел на крючке, и Светлана нечаянно сорвала его.

Халат упал на пол со странным стуком, вдобавок раздалось гудение. Нахмурившись, Света присела на корточки – что там могло гудеть и стучать?

Смартфон. Муж, который никогда не расставался с сотовым (и ясно, почему), видимо, каким-то чудом забыл его в кармане купального халата.

А завибрировал аппарат, потому что пришло сообщение.

– С тобой все хорошо? Я сейчас дверь выломаю! – надрывался Степан.

– Все в порядке, – деревянным голосом ответила Светлана, держа в руке телефон мужа.

Она никогда не унижалась до обысков, но сейчас сложилось ощущение, что все случилось не напрасно. Эта жуткая женщина, плачущая, жалующаяся в темноте, ее появление в ванной – именно в эти секунды!

Сообщение было из банка. Перед Степаном извинялись, что денежный перевод, отправленный вчера днем, был обработан и перечислен в эти минуты. Внушительный такой перевод. С несколькими нулями после цифры пять.

После размолвки, в качестве извинения, Степан демонстративно убрал пароль с телефона в знак того, что теперь он ничего не скрывает, жена может ему полностью довериться. Благодаря этому Светлане удалось предпринять еще пару несложных шагов, чтобы узнать, кому муж перечислил деньги. Перевод Ирине Т. сопровождался комментарием: «Прости, я не рядом, котенок. Ты знаешь, так надо. Но это временно, обещаю. Надеюсь, небольшой подарок компенсирует мое отсутствие».

– Света, выходи! Я переживаю!

Зажав телефон в руке, она шагнула к двери и распахнула ее. Неотвратимость принятого решения успокоила ее, и, встретив взгляд лживых глаз, Светлана поняла, что не чувствует ничего. Только ледяное безразличие.

Она швырнула мужу телефон и прошла мимо него в спальню – собирать вещи.

Примерно два часа спустя она стояла на остановке, ждала автобус, который должен был отвести ее в город. Степан метался, кричал, уговаривал, упрекал в том, что она шпионит за ним, снова уговаривал повременить, но она не слушала, не воспринимала. Он остался в «Раю», на горе, она отказалась садиться в его машину, ушла пешком.

На остановке стояла знакомая старушка – та самая, у которой она вчера купила семечки.

– Что это ты с утра пораньше, милая? – спросила женщина. – На такой богатой машине прикатила, а теперь одна?

Злорадства в голосе не было, только участие.

– Случилось чего?

– Случилось, – вздохнула Света. А потом добавила: – Я привидение увидела. Женщину обгоревшую.

Старуха внимательно поглядела на Свету.

– Вы домик «Ностальгия» снимали, что ли?

Света согласно кивнула.

– Да, а что?

– Сгорел он три года назад. Женщина погибла. С мужем была. Он выжил, она – нет. Он все рыдал, волосы на себе рвал – дескать, не переживу, горе какое! А потом выяснилось, он опоил ее чем-то, устроил пожар. Полюбовницу себе нашел, вот жена и не нужна стала. – Старуха вздохнула. – Видишь, как оно бывает.

Светлана молчала, потрясенная услышанным.

– И газеты писали. А потом ничего, забылось. Дом заново отстроили. Люди стали приезжать, вы вот приехали.

– Приехали, – тихим эхом откликнулась Света. – И слава богу.

Пришел автобус, забрал с остановки и ее, и словоохотливую старушку. Светлана сидела возле окна и думала, что нужно узнать, как звали погибшую в том доме женщину, сходить в церковь, помолиться за нее. И на кладбище сходить, цветов принести.

Поблагодарить.

## Шмелевы

Полицейскому, Валентину Петровичу Мамаеву, было жаль сидящего перед ним человека. Бывают такие бедолаги – вроде и неплохой, незлой, а жизнь какая-то нескладная.

В райцентре Кораблево все друг друга знали – если не лично, то в лицо уж точно. Сеня – Арсений Кузнецов – был не то чтобы постоянно на виду, но личностью считался известной. Покойные родители его были школьными учителями, а сам он, как пишут в книгах, пошел по кривой дорожке.

После школы отучился в техникуме, отслужил в армии, но устроить свою жизнь не смог: женился – развелся, вместо работы – случайные заработки, а потом и вовсе была *та история*, благодаря которой Сеня прославился на все Кораблево. Чудом в тюрьму не сел, отделался условным сроком. Мать с отцом тихо ушли один за другим в мир иной, Сеня остался в родительском доме, который с каждым годом все больше ветшал, оседал, чернел от старости и невзгод. Как и его оставшийся в одиночестве хозяин.

– Что же мне с тобой делать-то? А, Сеня? – вздохнул Валентин Петрович. – Чего ты учудил опять?

– Что положено, то и делайте, – ответил Кузнецов, не поднимая головы. – Надо, так и отвечу за все. Только я рад, что мне удалось испортить эту... Эту гадость. Больше уж ее никто не увидит!

– Рад он! Чему ты рад, интересно? Картину, можно сказать, жемчужину местного музея испортил, краской измалевал – и рад? Знаешь, каким это словом называется? Вандализм! Это, Сеня, статья, между прочим!

Сеня поднял на Валентина Петровича несчастные глаза. А ведь мы ровесники, мелькнула у того мысль. Но Сене как будто лет семьдесят, не меньше. Глаза у него, кстати, удивительной голубизны и яркости. Прямо как нарисованные. Мысль эта снова вернула полицейского к злощастной картине.

– Скажи мне, Сеня, чего ты к нашему музею такой неравнодушный? Второе твое... не преступление, конечно, но... И опять в музей!

Кораблево – это хоть и не слишком большое поселение, но все же есть тут не только школа, почта, отделение банка, магазины, Дом культуры, церковь и парикмахерская. Еще имеется краеведческий музей. Есть там зал о том, кто населял эти края в давние времена, какие обитают-растут животные-растения, есть зал про революцию и Великую Отечественную, про выдающихся людей, которые родом из этих мест. Коллекция не очень богатая, но уж какая есть. А недавно, благодаря Сене, стала еще на один экспонат меньше.

– Как медом тебе там помазано! – Полицейский сердито отбросил ручку. – Какого лешего ты опять туда полез?

– Вы правда хотите знать? – неожиданно спросил Сеня.

Валентин Петрович не слишком уверенно кивнул. Вряд ли Сеня что-то интересное или важное в свое оправдание скажет, но мало ли.

– Все равно ведь не поверите.

– А ты попробуй.

Дальше Сеня рассказал свою историю, и, когда закончил, Валентин Петрович подумал, что в жизни не слышал ничего более жуткого. Да, именно жуткого! А еще он по-новому взглянул на сидящего перед ним человека.

Ведь если все рассказанное – правда, то, выходит, никакой он не хулиган, не дурачок блаженный. Сеня Кузнецов, возможно, не одну жизнь спас. А по закону, получается, должен за это ответить?..

– Чтобы все рассказать, как положено, чтобы понятно было, что к чему, придется немножко во времени назад отступить, – такими словами начал Сеня свое повествование. – Краеведческий музей находится в здании бывшей усадьбы Шмелевых. До революции все окрестные земли принадлежали этим самым Шмелевым. Поля, луга, рыболовецкое хозяйство, пасека была огромная. А про шмелевский мед, кстати сказать, и в столице знали. Мать рассказывала, что были Шмелевы чрезвычайно жестокими.

Валентин Петрович вспомнил, что мать Сени работала учительницей истории. Хорошая женщина, ученики ее любили; никогда на детей не кричала, очень доступно и интересно подавала материал на уроках.

– Была такая помещица – Дарья Салтыкова, все ее знают, Салтычиху. Про Шмелевых не столь широкая слава шла, но по жестокости ни в чем они окаянной Салтычихе не уступали, а может, и превосходили. Пока крепостное право не отменили, лютовали Шмелевы безо всякой совести, но и потом, хоть и поутихли, а все равно... То и дело пропадали в этих краях дети и молодые девушки. Никаких обвинений Шмелевым не предъявляли, доказательств тоже не имелось, но все местные догадывались, чьих рук дело. Работать к ним только от безысходности шли, таких жестоких хозяев было еще поискать. Все решила революция. К ее началу семья Шмелевых насчитывала четырех человек: отец, глава семейства, жена его, маленькая дочка десяти лет и мать папаши. Люди говорили, что старуха – натуральная колдунья, кого хочешь со свету сжить может. У отца любимая забава была – стегать людей кнутом на конюшне. Маменька особенно люто красивых девушек ненавидела, измывалась всяко над теми, кто возразить ей не мог, а девчонка тоже зверенышем росла: любила животных мучить, глаза им выкалывать, живьем в землю зарывать. Словом, не люди были, а... Неудивительно, что, как только революция случилась, народ с ними сразу расправился. Не успели они за границу удрать, как планировали, всех порешили. Долго Шмелевы издевались над людьми, долго те терпели, но уж как появилась возможность отомстить, рассчитаться, за все негодяи ответили.

– И девочку убили? – спросил полицейский.

– И девочку, – отрезал Сеня. – Усадьбу разорили, сожгли. Дотла она не сгорела, удалось восстановить. Позже там райисполком был, ну вы это и без меня знаете.

Валентин Петрович знал. Как знал и то, что в конце восьмидесятых, когда для администрации построили новое здание, в бывшей усадьбе решили устроить музей. Собирали по сусекам экспонаты, залы оборудовали, ремонтировали. Только недолго музей просуществовал.

– Меня в музей на работу взяли. Мать тогда жива еще была, похлопотала. Я там вроде техника был. А примерно через полгода, когда хулиганы ночью два окна разбили, решено было ночного охранника нанять. Директор сказал, если малолетние бандиты будут знать, что ночью в здании не пусто, что человек есть, то не сунутся. Так я вторую ставку получил.

– Да уж. Аккурат после твоей охранной деятельности музей закрыть и пришлось, – не удержался Валентин Петрович.

Сеня поморщился, и полицейскому стало неловко, что он перебил рассказчика.

– На ту картину я внимание обратил в первый же день, как пришел работать. И мама, царствие ей небесное, увидела ее и аж побледнела. Групповой портрет Шмелевых написал местный живописец, а его потомки обнаружили картину на чердаке. То ли он ее отдать им не успел, то ли другая была причина, теперь не узнаешь, но суть в том, что портрет многие десятилетия хранился на чердаке. А потом родственники про музей узнали и отнесли туда. Вроде как в дар. Даже в местной газете про это писали. – Сеня почесал подбородок. – Так вот, картина. Вы ее видели раньше?

Валентин Петрович отрицательно покачал головой.

– Я расскажу тогда, что на ней. Написана она в мрачных тонах – черные, коричневые краски, темно-бордовые. Все семейство Шмелевых изображено: Шмелев с женой стоят позади кресла, на котором восседает старуха, а рядом со старухой – девочка. Глаза у всех пронзитель-

ные, натурально, как живые, так в душу и глядят. И пчелы-шмели у всех, это единственные яркие пятна на холсте: у женщин – броши золотые в виде насекомых, у девочки – подвеска, а у мужчины – массивный перстень. Я мимо этой картины не любил проходить, пока там работал. Мне все казалось, что гадкая четверка смотрит на меня, следит, взглядами провожает. Никак не мог привыкнуть. А потом... Потом было первое и последнее мое ночное дежурство. Директор музея велел пару раз за ночь обходить все залы: вечером и под утро. Проверить он этого не сумел бы, но я не хотел обманывать. С вечера вышел из коморки охранника, обошел. Все тихо, хорошо. Прикорнул на диванчике. Заснуть не удавалось, но задремал маленько. И вдруг слышу – топоток. Скорый такой, мелкий. Будто шаловливый ребенок пробежал. Я вскочил: откуда здесь возьмутся дети?

Схватил фонарик (свет в залах на ночь отключают), пошел проверить. Сердце колотится, хотя чего бояться-то? Двери и окна заперты, внутри никого быть не может. Уговариваю себя: послышалось и только! Крепче уснул, чем самому думалось. Иду, прислушиваюсь. Вроде тишина, но гудение какое-то – не пойму, на что похоже. Низкое, глухое. Что такое? Думаю, возможно, прибор какой не выключили? Да не может быть такого! Луч по стенам скользит, я ступаю осторожно, как будто не хочу к себе внимание привлекать. Помню, мысль промелькнула, если тихо пройду, так меня и не заметят. Не пойму только, кто. И вот прихожу я в зал, где висит та картина. Сначала луч фонаря скользнул по ней, и я краем сознания отметил: не то что-то. Навел луч, пригляделся... Господи боже! Картина-то пустая!

– Чего? Как это? – недоверчиво спросил Валентин Петрович.

– Нету на ней никого! Камин, перед которым вся эта четверка была, есть, стул, где старуха сидела, есть, а людей нет! И стоило мне это заметить, как слышу за спиной смех. Негромкий, вроде старушечий, ехидный. У меня ноги к полу приросли. Думаю, бежать надо, а не могу! Потом гляжу – сбоку движение, промельк. Я рефлекторно развернулся в ту сторону, свечу фонарем... – Голос Сени сел. – А он там.

– Кто? – хрипло спросил полицейский.

– Шмелев. Лицо белое, худое, как у мумии, кожа череп туго обтягивает, кажется, вот-вот лопнет, а зубы выпячены. Смотрит прямо на меня, ухмыляется. Как я заорал! Шарахнулся в сторону, врезался в стеклянный шкаф. Глядь – а возле шкафа женщина. Молодая. И тоже скалится, смотрит на меня. Он – справа, она – слева. Руки тянут, придвигаются ближе. А руки-то у них непропорциональные, уж больно длинные, и бледные пальцы шевелятся, как опарыши могильные. Еще и странное гудение все громче, громче. Чтобы убежать от сошедших с картины, оживших фигур, мне нужно было через прилавок перебраться (как они правильно называются?) Там еще всякие безделушки лежат. Я перемахнул через него, неловко вышло, задел, разбил стекло, но мне не до того было. Одна мысль – вон отсюда, выбраться, убежать! Шмелевы позади остались, я из зала выбежал, дверь захлопнул за собой. Еще два зала пересечь – и в коридор попаду, а там и выход, но не тут-то было. В зале этом гудение слышнее всего оказалось, я голову задрал. Рой. Вот что гудело – сердито так, утробно. Пчелиный рой под потолком! Вспомнилось мне в ту секунду, мать рассказывала, как Шмелевы забавлялись, запирали людей в узком каменном мешке и рой пчелиный на них напускали! Страшные мучения. Я на рой сдуру фонарем осветил, а мелкие твари будто бы ждали этого! Прямо на меня помчались. Знаешь, каково это, когда мчится на тебя смерть – черная, гудящая. Я ошалел совсем от страха, к двери повернулся... Старуха, ведьма треклятая! Никак мимо нее не пройдешь. Не пройдешь, а надо! Я молитв не знаю, кричу: «Помоги, Господи, спаси меня от демонов!» Это был зал «Растительный и животный мир нашего края», как-то так назывался, стояли там чучела разные. Я давай хватать то, что под руку попало, и швырять – в рой, в пустоту, в старуху, в никуда. Фонарь тоже отшвырнул, но ночь лунная была, старуху я и без фонарика видел. А возле стены стул стоял, я его схватил, ножками вперед выставил перед собой, несусь на старуху, думаю, проткну ножками-то, как вампира – кольями. Сам не помню, что творил, но проскочил как-то,

дверь закрыл за собой, еще и стулом подпереть сумел. Отдыхать некогда, метнулся к входной двери, руку протянул к карману – ключей-то нет! Связка в каморке на столе лежит! Обратно по коридору нужно бежать. Хорошо, каморка близко, а внутри свет горит, фонарик не нужен. Я ведь его потерял в зале со старухой. А в дверь-то, забыл сказать, ломаются изнутри, бьются все втроем, наверно. Молча, ни слова не произнося, и от этого еще страшнее. Я не стал дожидаться, пока они вырвутся, бегом в каморку понесся. Ключи лежат, как миленькие, я их схватил – и обратно. Выбежал в коридор и... – Сеня всхлипнул. – Девочка. Стоит возле входной двери. В длинном платье, в туфельках. Улыбается и пальчиком меня манит. Иди, мол, сюда. Я тебя съем! Я застыл, а она... Никогда такого не видел! Девочка опустилась на четвереньки, как собака, понеслась ко мне скачками. Голова вывернута – на меня смотрит, глаза горят, зубы волчьи. Вдобавок и дверь открылась, за которой все остальное семейство было. Я в каморку свою попятился; понимаю, что дверь не успеваю прикрыть, и фанерная она, не удержит. Одно только оставалось: в окно прыгать. Прикрыл лицо рукой кое-как – и рыбкой туда. Мне уже плевать было, что со мной будет, изрежусь или нет, ничего от страха не соображал. Выпрыгнул, перекатился, ногу подвернул, но даже и не заметил, хотел бежать дальше, только смотрю – никто за мной не гонится. Все четверо подошли к окошку и стоят, смотрят, как я на земле под окном корчусь. Встали, руки свесили, а сверху на них рой опустился. Насекомые ползают по лицам, забираются в уши, в нос, в глаза, а Шмелевым хоть бы хны. Стоят, а вслед за мной выбраться из музея не могут. Видно, какая-то сила держала их внутри, не могли они наружу вылезти. Повезло мне! Повезло, да только... Не было ночи, чтобы мне кошмар не приснился: девочка за мной гонится скачками, как животное, а потом все четверо стоят в освещенном квадрате окна и смотрят на меня, и на лицах у них – шевелящаяся, гудящая масса пчел.

Так меня и нашли утром. Без сознания был, под окном лежал. Вроде бы погром учинил, имущество музейное попортил, окно разбил. Известное дело.

Валентин Петрович был в курсе. Музей закрыли на ремонт, но больше он не открылся, потому что началась перестройка, потом пришли девяностые, всем стало не до музеев. Здание сначала пустовало, затем в нем открыли кафе; кафе закрылось, появлялись и исчезали еще какие-то предприятия.

– Я узнавал, потрет, как и все другие экспонаты, упаковали и засунули в дальнюю комнату или на чердак. Только это меня и радовало, потому что ясно было: никто по ночам вблизи портрета не окажется. Некому на него смотреть, некому питать его энергией. Все спокойно было, пока...

– Пока музей не решено было отремонтировать.

Сеня вздохнул.

– Я хотел украсть и уничтожить портрет, но это было невозможно, здание запирается, сигнализация имеется. Да и большой он, собака! К директору ходил, к новому, пытался поговорить, объяснить, что нельзя портрет вывешивать на всеобщее обозрение, это же чистое зло! А ну как ночью опять все повторится, другой охранник не сумеет спастись?! Погибнет! А может, Шмелевы наберутся сил, смогут покидать портрет и днем? Или найдут способ вообще в него не возвращаться?

Это звучало, как полный бред. Но Сеня верил своим словам. И Валентин Петрович проникнулся его верой.

– Я решил, что оставался один вариант. Пока музей не открыли, пока портрет не начал вредить людям, мне нужно было попасть туда. И, к счастью, днем это было не очень сложно. Перед открытием в музее много народу толкалось. Я и не прятался особо, люди думали, что я тоже один из рабочих. Все было просто: вошел в зал, вытащил баллончик с черной краской, распылил. Об одном тревожусь... Вы мне скажите, Валентин Петрович, нельзя ведь после такого восстановить картину?

Валентин Петрович, наверное, должен был ответить, что это все чушь собачья, рассказ сумасшедшего, а насчет реставрации, так дай бог, получится, найдется умелец. Но он сказал совсем другое.

– Я не знаю, можно ли, не специалист. Но картину эту забрали как вещественное доказательство. Поместим ее на склад. А там уж... Всякое бывает в жизни, Сеня. Бывает даже, что пропадают вещи. Исчезают, как и не было их.

Сеня и Валентин Петрович смотрели друг на друга. Морщины на лбу Сени разгладились, тревожное выражение сменилось облегчением.

– Точно, – сказал он. – Всякое бывает. Спасибо вам.

– За что? – пожал плечами Валентин Петрович.

– За то, что поверили. Я вам правду сказал.

Позже, оставшись один, Валентин Петрович сидел, смотрел в окно и думал. Сеня сказал правду, чистую правду. А вот Валентин Петрович ему солгал. Он видел тот портрет. Еще тогда, когда музей открыли в первый раз.

Стоял перед ним недолго, но ему казалось, что это длилось несколько часов. Злобные, ухмыляющиеся, уродливые лица. Глаза людей на портрете были похожи на черные дыры – опасные, засасывающие в адовы глубины. От них невозможно было отвести взгляд, и в голове слышался странный гул. Уже позже Валентин Петрович сообразил, что это напоминало гудение пчел, ос или шершней, которых он боялся до дрожи.

На негнущихся ногах отошел он тогда от картины, думая о том, что это нечестивая, дурная вещь, которую нельзя показывать людям, но не смея ни с кем поделиться своими опасениями.

Испугался так, как не боялся никогда в жизни. Думал, что должен сделать что-то, но не знал, *что*. Когда Сеня Кузнецов сделал все за него, когда из-за его поступка никто больше не посещал музей и не смотрел на картину, а после она оказалась на долгие годы изолирована, Валентин Петрович малодушно возмущался вместе со всеми хулиганским поступком Кузнецова, ни слова не сказал в его защиту. Уговаривал себя: что толку? Кто поверил бы? Что можно было сделать?

Годы шли. Происшествие забылось.

А теперь Сеня снова поступил, как... Как хороший человек, желающий защитить других. И Валентин Петрович намерен был сделать то же самое.

Он уничтожит картину, выкрадет и сожжет. Такой богопротивной гадости не должно существовать на свете. А не будет картины – не будет и дела против Сени.

Приняв решение, Валентин Петрович заварил себе чай и стал дожидаться удобного момента для осуществления задуманного.

## Хранитель дома

Сергей Сергеич терпеливо дождался, пока Пономаревы уедут. Он жил через три дома от них, на той же стороне улицы, и обрадовался, когда увидел, как их синяя машина, массивная, точно троллейбус, проехала мимо. И пса проклятушего с собой взяли.

Теперь дождаться полной темноты (фонарей у них в поселке, слава богу, отродясь не бывало) – и можно действовать.

Сергей Сергеич – мужчина обстоятельный, всегда таким был. Жена-покойница ворчала: жизни, мол, нет от тебя! Все чтобы на своих местах, ни пылинки, ни соринки. Не приведи господь коврик прикроватный косо лежит или кружки ручками не в ту сторону стоят в буфете, так и до скандала дойти может.

Теперь, когда жены не стало, порядок поддерживать сделалось сложнее. К тому же раньше Сергей Сергеич в основном был занят тем, что перевоспитывал нерадивую супругу, а теперь, когда объект воспитания нагло ускользнул, пришлось обратить внимание на несовершенство окружающих.

Не так машины паркуют, не то носят, неправильно здороваются. Музыка слушают неподобающую и чересчур громко. Забор свой взяли и на целых десять сантиметров передвинули – считай, половину улицы перегородили. Вот это последнее учудили как раз Пономаревы.

Отвратительные людишки, просто отвратительные! Думая о них, Сергей Сергеич буквально закипал. Переехали из города около года назад и сразу давай свои порядки наводить.

Дом перестроили – подняли второй этаж, хотя ни у кого в поселке такого буржуинства не было. Огород не сажали – лужайку им подавай, беседку какую-то отгрохали, баню шикарную. Машина у них вызывающего неоновое синего цвета; пса притащили с собой – ну чисто собака Баскервилей, сразу видно – зверь-убийца, и лает так противно, хорошо еще, что редко. Да вдобавок кроликов завели, клеточки им построили, поилочки-кормушки, тьфу. Кому они вообще нужны, кролики-то? От них, небось, и запах будет, и мыши потом всю округу заполонят.

Но главное – тот клятый забор.

Сергей Сергеич как увидел, что творится, сразу отправился поговорить. Пономарев выслушал. Вроде и вежливо, а на самом деле – издевательски. Сходил в дом. Бумажки непонятные принес. Мол, вот выписка из кадастра или еще откуда, там заново перемерили, границы участка обозначили вот тут и тут, дата, подпись. Так что, говорит, это моя законная земля, и я решил забор поставить. Имею право.

Наглец! Сразу же видно, что всех, кого надо, подкупил!

Сергей Сергеич не отступил, не сдался. Еще несколько раз сходил, пытался растолковать. И к жене, Пономарихе, в магазине подходил, объяснял. Ведь что бумажки? Кому они нужны? Принято же было, годами заведено! Что люди скажут?

– Какие люди? Кроме вас, никому дела нет! Что вы к нам привязались? – Вот что ответил Пономарев, когда Сергей Сергеич явился в четвертый раз.

А еще сказал, что, если сосед его еще раз побеспокоить осмелится, то он на него собаку спустит.

Виданное ли дело? Сергей Сергеич такого стерпеть не мог. Заболел даже, день с кровати не вставал. А потом решил проучить нахалов. Будут знать, как со своим уставом в чужой монастырь лезть.

Подходящего момента ждать пришлось недолго. В поселке все про всех всё знают, это ведь та же деревня. До Сергея Сергеича дошли разговоры о том, что в субботу Пономаревы уезжают в город, на свадьбу, не будет их всю ночь.

Лидку, соседку, просили кроликов покормить, а пса с собой взяли, он у них вроде ребенка, вечно везде с собой таскают, недоумки, прости господи.

Наконец солнце село, стало быстро темнеть. Пора собираться.

Конечно, заподозрить Сергея Сергеича могут: поселок не такой уж большой, про ссору, после которой они даже не здоровались, всем известно. Но подозревать – это ведь не знать наверняка. А доказательств никаких не будет, свидетелей – ноль.

К тому же рядом станция, электрички останавливаются, дачный кооператив «Речной» в паре километров, да и от города недалеко. Мало ли кому могло прийти в голову похулиганить, позабавиться. Или вон Лидка могла набедокурить – ясно, что не нарочно, по дурости, по неаккуратности, верно? Верно.

Из дома Сергей Сергеич вышел, когда совсем стемнело. К Пономаревым двинулся огородами, не по улице: там могли заметить. Не ровен час, та же Лидка в окно высунется. Сергей Сергеич добрался до дальнего края своего участка, вышел через маленькую калитку. Там, за калиткой, лесополоса, а ниже – овражек, в овражке ручей течет.

Снова пришло в голову, что по овражку кто угодно разгуливать может. И пьяницы, и бездомные, и наркоманы разные запросто могут мотаться. Полгода назад было уже такое, зимой. Забрался один к тем же Пономаревым. Пьяный был, хотел, наверное, до бани добраться, погреться, только не дошел, так и помер возле забора, замерз насмерть. Пономаревы вернулись откуда-то – нашли, полицию вызвали.

Так что, может статься, и на сей раз чужак забрался.

На честного человека никто не подумает.

Дойдя до участка Пономаревых, Сергей Сергеич отчего-то засомневался. Боязно стало. Расследование, глядишь, будет: баня-то новая, дорогая. Да и кролики, хоть и противные, а божьи твари.

Но потом пришла мысль, сколько унижений пришлось вынести от выскочек Пономаревых, и Сергей Сергеич перестал колебаться. Поставил канистру на землю, чтобы сподручнее было, покряхтывая, перебрался через невысокий заборчик (что же они тут-то двухметровый не отгрохали? Не успели?), подхватил канистру и поспешил в сторону бани, раздумывая о том, не стоит ли и на беседку плеснуть. Заодно уж.

Нет, пожалуй, не стоит. Беседка слишком близко к дому, вдруг огонь перекинется, а дом – это уже дело серьезное. Уголовное, наверное.

Занятый своими мыслями, сосредоточившись на предстоящем, Сергей Сергеич не заметил метнувшуюся к нему черную тень – гораздо более темную, чем окружающий сумрак.

Если бы поджигатель обернулся раньше, то увидел бы, что странное существо передвигается со сверхъестественной скоростью. Но Сергей Сергеич стоял к нему спиной, а когда неведомое создание прикоснулось к нему, было уже поздно.

– Что... – только и успел он крикнуть, а потом оказался в душном кожистом коконе.

Вдохнуть было невозможно, и Сергей Сергеич забился, пытаясь вырваться. Куда там. Стенки кокона прилегали все плотнее, все туже, Сергея Сергеича словно спеленали, как младенца, лишая возможности пошевелиться.

Канистра давно уже выпала из рук, он и забыл про нее, лишь одна мысль билась в гаснущем мозгу: «И зачем я сюда полез, старый дурень? Выбраться бы!»

Но покинуть чужой сад ему было не суждено. Спустя мгновение в тело одновременно вонзились десятки, сотни иголок. словно бы рой ос, шершней, пчел или других кусачих созданий впился в кожу несостоявшегося поджигателя. Больно было только краткий миг, а потом по телу разлилась сладкая слабость, сознание блаженно затуманилось, и Сергей Сергеич заснул, чтобы уже никогда не проснуться.

Вечер воскресенья в поселке был похож на криминальные хроники, которые показывают в вечерних новостях. Полиция, скорая, журналисты с местного телеканала и из еженедельной газеты «Городские вести» – кого только не было.

«Непонятно, кто вызвал журналистов. И ведь примчались! Им что, писать больше не о чем?» – думала Света Пономарева.

Они с мужем стояли возле дома, стараясь сохранять спокойствие.

– Значит, вы приехали из города и обнаружили тело вашего соседа, – в который уже раз уточнил полицейский. – Ничего подозрительного не видели.

– Не видели. И к его смерти никакого отношения не имеем, – сказал Пономарев. – Мы были на свадьбе, в городе, это полсотни человек могут подтвердить.

– А покойничек-то явно на вас зуб точил, – заметил второй полицейский. – Целую канистру бензина притащил, зажигалка в кармане была. Если б не помер, сжег бы тут все, как и планировал.

Пономарев объяснил, что да, конфликт имелся, но исключительно по инициативе Сергея Сергеича, это все подтвердят, кого ни спроси. При всем уважении к памяти покойного, его нельзя было назвать человеком приятным, доброжелательным. У него с половиной поселка конфликты были.

– Но вы, видать, досадили ему сильнее прочих, – хмыкнул полицейский, направляясь к выходу со двора. Мимо пронесли на носилках тело неудачливого преступника. – Ой, что это за чудо?

Полицейский смотрел на стоявшую возле крыльца на небольшой квадратной подставке фигурку ростом с трехлетнего ребенка. И подставка, и статуя были высечены из темно-серого тусклого камня. Сама фигурка была на редкость неприглядная: горбатый старик с лицом злого ребенка, с ног до головы укутанный в плащ. Из-под плаща торчали босые ступни – несоразмерно длинные, с когтями на пальцах, и точно такие же когтистые руки.

Света Пономарева нервным жестом поправила прядь волос, а ее муж ответил:

– Это Хранитель дома. Старинная вещица, купили по случаю.

– Урод уродом, – неодобрительно покачал головой полицейский и прибавил: – извините, конечно.

Постепенно все разъехались, и Пономаревы остались одни. Посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, пошли в дом. Заперли двери, даже занавески на окнах задернули.

Пономарев достал из бара коньяк и два бокала. Света запротестовала было, но быстро сдалась.

– Что нам делать? – спросила она, сделала глоток и закашлялась.

– А что? Ничего. Нас здесь не было, никто не обвиняет, да и в чем мы виноваты? Этот поганец чуть наш дом не спалил, мы жертвы! По чистой случайности не...

– Ты отлично знаешь, что никакая это не случайность! – Света покосилась в сторону двери. – Все началось с появления Хранителя. Уже третий раз! Сначала тот пес, потом бездомный.

Это была правда. Первой была бездомная собака. Забрела во двор и чуть не загрызла добряка Добби, который, несмотря на угрожающую внешность, был не опаснее хомяка.

Затем обнаружился труп бездомного. Никакого расследования не было, что расследовать-то? Забрел на участок пьяница, упал под забором, окоченел насмерть в лютый мороз. Правда, сказали, что точки у него какие-то странные по всему телу были, но они могли и раньше появиться. Никто особо не старался разобраться.

– Сергей Сергеич тоже весь как будто муравьями искусанный. Слышал, что говорили?

– Света, это не наша печаль! Полез старый пень в чужой дом, хотел преступление совершить, а Хранитель его остановил.

– Но как он мог такое сделать? Это же просто статуэтка!

– Выходит, не так уж и просто.

Они еще долго судили-рядили, обсуждали случившееся. Больше ведь ни с кем о таком не поговорить. В итоге решили в ближайшую субботу съездить на развал, где купили фигуру Хранителя. Поговорить с продавцом, возможно, он что-то знает.

Всю неделю мимо каменного истукана ходили с опаской, особенно Света. В магазине, на почте многие заговаривали с Пономаревыми, сочувствовали, говорили, что чудом удалось избежать беды: погода сухая стоит, жара, зной. Начнись пожар, могло много домов выгореть. Покойного Сергея Сергеича добрым словом не поминали, похоронили тихо.

В субботу, с утра пораньше, Пономаревы уже катили на блошинный рынок. Располагался он на окраине Быстрорецка; на огромной территории по выходным торговали одеждой и мебелью, книгами и инструментами, техникой и животными, посудой и всевозможными подержанными вещами, большинство из которых были обычным барахлом, однако встречались и по настоящему ценные вещи.

Продавца, у которого они купили Хранителя, нашли довольно быстро: Пономарев запомнил место, где тот стоит. Перед высоким мужчиной в джинсах и майке, с густой бородой и мощным торсом были разложены подсвечники, грампластинки, вышитые крестиком картины, книги в старинных переплетах, патефоны, горы бокалов, чашек, ваз и еще куча всего.

– Здравствуйтесь, – хором произнесли супруги, – можно с вами поговорить? Буквально пять минут, очень надо!

Продавец окинул их подозрительным взглядом.

– Мы могли бы угостить вас пивом или...

– Я не пью и вам не советую, – неожиданно отозвался продавец. – Вон там квас холодный продают, идемте. – Он повернулся к молодому парнишке, которого Пономаревы поначалу не заметили. – Присмотри тут, скоро буду.

Через минуту они сидели в тенечке под тентом и пили квас.

– Говорите. Только быстро, – велел продавец. – Работа, сами понимаете.

– Мы у вас зимой одну вещь купили. Забыл, как вы ее точно называли, но это вроде как Хранитель дома. Под постаментом еще надпись такая была интересная... Дореволюционная орфография.

Продавец остро глянул на Пономареву.

– Уникальная вещица! Конечно, помню. Пастень. Типа злой домово́й. Злой к чужим, к тем, кто ворует, нарушает границы дома без позволения хозяев, норовит их обидеть. Редкая штука, я мог с вас и дороже взять. Ну купили вы фигуру. И что? Товар обратно не принимаю.

– А не могли бы вы сказать, где его взяли? Откуда у вас этот Пастень?

Продавец пожал могучими плечами.

– Мы с племянном ездим по деревням, покупаем барахло разное. Что-то реставрируем, что-то так продаем, что-то коллекционерам уходит. Вы не поверите, что люди дома хранят. – Он глотнул квасу. – Такой бизнес. Все законно. Где что берем, всего не упомнишь, однако же Пастень запомнился. Но в точности сказать сложновато, вдобавок и времени нет. – Мужчина красноречиво глянул на Пономареву, тот понял намек и достал купюру. Та мигом исчезла со стола. – Итак, Пастень. Прежде, кстати, я и названия такого не знал. Приехали мы в одну деревню – полупустая, народу мало, но живут еще, речка рядышком. Даже отдыхающие бывают. Как водится, проехали по домам, поспрашивали, собрали кое-чего. А нам и говорят сразу в нескольких домах хозяева, как под копирку: есть, дескать, на краю деревни дом один, там бабка жила, непростая больно. Померла. Родных – никого. Какие вещи нужны – берите. Мы подивились: чтобы дом пустой, без присмотра стоял, а добро не растащили? Спрашиваем, родственники точно не нагрянут? Нет, отвечают. А чего сами не берете? Отворачиваются, мямлят, глаза отводят. Потом один мальчонка возьми да скажи: колдунья это была! Не хочет никто трогать ее вещи. Мы в колдовство не верим, а народ, видать, суеверный, спасу нет. Пришли. В

доме все целехонько. Много мы оттуда взяли, и были вещи диковинные: котел медный, кубок черного металла, подвески какие-то, прялка расписная. Всего и не перечислить. И Пастень этот оттуда. Часть вещей мы продали, а что поинтереснее – знакомому одному унесли. Он взял по хорошей цене прялку, еще кое-что, а на серую статую поглядел и говорит, это, мол, Пастень. Его во дворе надо ставить. Он дом от зла бережет. Я ему: полезная вещь! А он: так-то оно так, но и опасная! Говорят, что дух в фигуру эту заключен. Если кто хозяев дома обидеть вздумает, оживет, соскочит с постамента, накидкой своей укроет и уморит. Так и сказал: уморит. Будет служить верой и правдой, дом хоть вообще не запирай. Но его и кормить надо.

– Чем?

– Уж не знаю. Но догадаться можно. Не чипсами, ясное дело. Тот мой знакомый боязливый оказался, не стал брать Хранителя. Вот вы и купили.

– А нам вы про это почему не сказали? – возмутилась Света.

– А вы меня спрашивали? Нет! Понравился вам этот каменный чудик! Я продал, – парировал торговец. – А сейчас спросили, и я сказал, не утаил. Да и вообще, чушь все это, выдумки. Хотя звучит интересно. – Он поднялся. – Ладно, пора мне. Спасибо за квас. Надумаете еще что купить, обращайтесь.

Он ушел, супруги Пономаревы тоже поплелись к выходу.

– То есть мы купили магическую вещь, которая принадлежала ведьме, – подвела итог Света.

– И она уже действует. Если бы не Хранитель или как его там? Пастень, ага. Если бы не он, то у нас с тобой, может, и дома уже не было бы. Тот бездомный тоже неизвестно, что замышлял. Вряд ли поздороваться залез. И пес бродячий мог нашего Добби ранить. Сплошная польза!

– Но ведь черная магия! – воскликнула Света. – И деревенские жители не хотели прикасаться к вещам колдуньи, и даже этот антиквар-коллекционер!

– Их дело. Мы прикоснулись и не прогадали, – упрямо сказал муж.

Они дошли до машины, забрались в салон.

– Что же, оставим эту штуку себе? – спросила Света.

– Нам Пастень ничего плохого не сделает. Он нас охраняет, Свет. И потом... Выкинешь такого, кто знает, чем обернется! Не подумала? Он ведь и обидеться может!

– А как насчет того, что его нужно кормить?

Пономарев задумчиво поглядел в окно.

– Надо, значит, надо. Будем кормить. Пока, думаю, он сыт. – Пономарев откашлялся. – А еще... Я не хотел тебе говорить...

– Что еще? – опасливо спросила Света.

– Я несколько раз замечал возле него мертвых птиц. Два раза видел кротов. И кота однажды. Так что примерно представляю, чем Пастень кормится. После выходки нашего чокнутого соседа он сыт, тот его покормил.

– Перестань! Кошмар! – вскричала Света. – Меня сейчас стошнит!

Муж словно и не слышал ее, говорил сам с собой:

– Что особенного? Что мешает иной раз принести нашему Хранителю, например, курицу.

Они же продаются. Или...

– Хватит! Я поняла, – скривилась Света. – Мне все равно это не слишком нравится.

– Как по мне, так сплошные плюсы, – пожал плечами Пономарев. – И охранная сигнализация не нужна, и в отпуск уехать спокойно можно.

Он завел двигатель и покосился на жену. Ничего, повозмущается, попричитает, а после все поймет, успокоится, она женщина умная и практичная.

Пономарев подумал, что на следующей неделе нужно будет опять сюда приехать, уже без жены, чтобы не нервничала понапрасну. Узнать, нет ли еще чего интересного из запасов покойной колдуньи.

В хозяйстве ведь многое пригодиться может.

## Дочь ведьмы

Эта история произошла во времена, когда в помине не было смартфонов и ноутбуков, когда дальние расстояния могли служить препятствием для общения, а фотографироваться ходили в фотоателье. Быть может, в шестидесятые или семидесятые годы прошлого века. Случилось все в маленькой деревне, что стояла на берегу широкой реки, которая несла свои воды мимо лугов, полей, лесов, крохотных поселений и больших городов.

Николай приехал к тетке, сестре покойного отца. Он был парень городской, окончил школу, в институт не поступил, пошел в армию. Как отслужил, решил снова попробовать свои силы, стать журналистом, как и мечталось. Чтобы спокойно подготовиться к экзаменам, надумал к тете Зине отправиться: тишина, покой, можно читать, штудировать учебники. Свежий воздух опять же, не отвлекает никто.

Тетя Зина только рада была; племянника не видела давненько, жила одна, без мужа и детей. Деревня называлась Антоновкой: говорят, в былые времена славились эти места антоновскими яблоками. Николаю здесь нравилось: люди приветливые, улыбчивые, зелено, привольно.

Одна только странность была – дом на самом краю деревни, вдали от остальных. Впечатление складывалось такое, что отошел он на некоторое расстояние, не желая, чтобы его беспокоили, прикрылся крышей, отгородился от любопытных глаз высоким забором.

– Кто там живет, тетя Зин? – спросил Николай у тетки.

Та нахмурилась, отвернулась, посудой загремела.

– Ты, Николаша, к дому тому и близко не смей подходить. – Она помолчала, думая, сказать или нет. Решила сказать. – Ведьма там живет.

Николай поперхнулся компотом.

– Кто?! Шутишь?

– Какие уж шутки, – отрезала тетка. – С давних пор в нашей деревне язва эта. И при матери моей, и при бабушке, и еще раньше жили они в том самом доме. Ведьмы, то есть.

– Тетя Зина, – укоризненно проговорил Николай, – ты взрослый человек. Что за средневековье! Неужели веришь во всякие пережитки прошлого?

– Так я одна, что ли, верю? – не сдавалась тетя Зина. – Все в Антоновке знают: от ведьминога логова надо подальше держаться. Она и порчу может напустить, и сглазить. Болезни насылает, мор. А еще, – она понизила голос, – приезжают к ней иной раз из города. На машинах. Не мы одни, темные, верим. Обращаются, говорят, за помощью с самого верха. Кто врага извести просит, кому будущее надо посмотреть. Сильная ведьма. Но злая. Так что не суйся к дому. Не веришь – твое дело, но нечего на свою шею беду искать.

Николаю наскучил этот разговор. Что за мракобесие, в самом деле!

– Делать мне нечего. Не пойду, не волнуйся. У меня и без того дел хватает.

Это была правда. Николай старался следовать графику: рано вставал, завтракал, гимнастику делал, тетке помогал в огороде или во дворе, а после занимался до обеда. После обеда читал (прочитать много чего надо было, список большой). Иногда в саду, но чаще – на речке. Милое дело: лежишь в тенечке, читаешь, а в сон потянет – окунешься в прохладную воду, в мае она для купания чересчур холодная, но для бодрости – самое то! Возвращался с реки, ужинал – и на боковую.

Так и шло недели две, а потом Николай встретил Надю.

Нашел на реке уединенное местечко, где ему никто не мешал – ни рыбаки, ни ребяташки, думал, никого здесь не бывает. И однажды увидел ее: вечерело, он уходил собирался, а тут девушка пришла на берег. Темноволосая, большеглазая, тоненькая, как веточка.

В десятом классе Николай влюбился в Лиду – с ума по ней сходил. Она обещала ждать из армии, но обманула. Замуж за другого вышла. Мать боялась ему написать, чтобы не расстроить, но Николай уже успел понять, что они с Лидой не пара. Слишком она вертлявая, легкомысленная и, если честно, глуповатая. Скучно с ней. Через какое-то время к красоте привыкаешь, начинаешь замечать, что смеется не к месту, ни о чем с ней не поговоришь. В общем, «если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло».

Надя была полной противоположностью Лиды. То есть красивая, даже краше бывшей одноклассницы, но при этом умная, говорила вдумчиво, умела слушать, держалась скромно, с достоинством.

– Ой, я думала, тут нет никого, – проговорила она в тот первый вечер. – Простите, если помешала.

– Что вы! Совсем не помешали! Я рад, что вы пришли. Место некупленное!

Сказал – и покраснел, злясь на себя за невесту откуда взявшиеся робость и косноязычие. К чему он ляпнул про некупленное место? Но девушка ничего не заметила, улыбнулась и сказала, что ее зовут Надей. Так и познакомились.

В первый же вечер проговорили целый час. Николай сам не заметил, как всю свою биографию Наде рассказал, а она слушала так, словно ничего увлекательнее никогда не слыхала. Когда стало темнеть, засобиравшись домой.

– Я провожу, – вызвался Николай.

Надя смутилась, даже вроде бы испугалась немного.

– Нет, не нужно! У меня мама очень строгая. Увидит с парнем – скандала не избежать. Я первая уйду, а ты чуть после, хорошо?

Николай согласился.

Он был согласен делать все, что скажет новая знакомая.

– Придешь завтра? Сюда же?

– Если мама позволит. Я хотела бы, но не знаю, получится или нет.

Она ушла, и Николаю показалось, что у него сердце из груди вынули. Как будто сама жизнь утекла, покинула его, краски мира померкли.

С того дня он стал приходить на реку ежедневно, ни дня не пропуская, даже в дождь, несмотря на удивление тети Зины. Надя не знала, когда у нее получится прийти, поэтому договариваться о свиданиях не получалось. Николай приходил и ждал; и в те дни, когда не удавалось увидеть Надю, на него наваливалась черная, жгучая тоска. Про учебу, про книги он позабыл.

Парень не скрывал от себя, что влюбился. То была не смешная школьная влюбленность, а настоящее, глубокое, сильное чувство. Ему хотелось кричать о своей любви на весь свет, но он был вынужден скрывать ее, как нечто постыдное. И тетке не говорил, хотя она и видела, что Николай сам не свой, и спрашивала.

Молчать попросила Надя. Все по той же причине: мать.

– Узнает, что хожу на речку к тебе, никогда из дому не выпустит.

– Я же не балбес какой-то! – возмутился Николай. – У меня намерения серьезные. Не обижу тебя, хочу всю жизнь с тобой быть, в город забрать. Поступлю на вечернее, буду работать. Ты не обязана всю жизнь в деревне торчать.

Чем смелее были его планы, тем больше мрачнела Надя. Николай осторожно расспрашивал ее про мать: почему она столь строга к дочери, какого будущего для нее хочет. Надя отмалчивалась.

Однажды, примерно через три недели после начала их встреч, Николай решил, что хватит с него тайн мадридского двора, пора все выяснить.

– Скажи, где ты живешь, в каком доме, и я завтра приду к твоей матери знакомиться. Цветы принесу. Представлюсь. Скажу, что люблю ее дочь, что у нас все серьезно, я хоть завтра готов в ЗАГС. Вот увидишь, все улажу!

Надя внезапно залилась слезами и спрятала лицо в ладонях. Николай опешил, стал ее успокаивать. Тут и вылезла наружу неприглядная правда.

– Я не говорила, боялась, бросишь меня, не захочешь и близко подойти. От нас все шарахаются, обходят стороной, потому что... потому...

Девушка не решалась договорить, но Николай уже понял.

– Моя мать – ведьма! – выпалила Надя.

– Но ведьм не бывает, – проговорил Николай.

– Еще как бывают, – фыркнула Надя. – Она меня взаперти держит, хочет обучить мастерству, оно у нас в роду по женской линии передается. Моя мать умеет делать такие вещи! – Голос девушки сел. – Все, о чем болтают деревенские, правда. Проклятье может наложить, сглазить до смерти. Болезнь наслать. С мертвыми говорить умеет. Приворожит, кого хочешь. Наоборот, может и отвратить человека от семьи, от жены или мужа. Запросто!

Надя тяжело вздохнула.

– Не могу я вас познакомить. Знаю, мать будет против. Ты можешь пострадать, как я потом буду жить? Или возьмет и сделает так, что я для тебя стану противнее жабы.

Николай был потрясен. Он не ожидал этого, не мог и помыслить о таком, но не мог и не верить любимой девушке.

– Как же нам быть? Неужели ничего нельзя сделать?

Николай ненавидел себя за жалобные нотки: мужчина должен быть сильным, знать ответы на все вопросы, а он разнылся. Тут его осенило.

– А если нам сбежать? Уедем в город, поженимся, потом сообщим ей. Что она сделает? Помешать уже не сумеет, останется только принять ситуацию!

Николай думал, возлюбленная обрадуется, но вышло иначе.

– Как ты не понимаешь! Едва мать обнаружит, что меня нет, разозлится, найдет что-то страшное, со свету сживет! Отомстит за непослушание. Или вернет обратно, еще и ты пострадаешь. Нет, это не выход.

Наде пора было уходить. На следующий день несчастные влюбленные встретились вновь. Никакого решения Николай найти не смог, хотя всю ночь не спал и думал. Вдобавок время было против них с Надей: Николаю скоро возвращаться в город, сдавать вступительные экзамены. Но как оставить здесь Надю? Как расстаться с ней? Он дня без нее не мог прожить, без Нади ему и учеба не нужна, и вуз, и все дальнейшие планы. И сама жизнь.

Обнявшись, смотрели они на реку, и тут Надя сказала:

– Коленька, я долго думала. Есть только один способ.

– Какой? – встрепетнулся Николай.

– Не знаю, решишься ли ты, не уверена, сработает ли, но больше мы ничего не можем сделать.

Ему показалось на миг, что Надя скажет: надо убить ведьму. Он спросил себя, смог бы сделать это, но следующие слова девушки прервали его размышления.

– Потихоньку, пока мать не видела, я нашла у нее в книге одно заклятие. Избавить меня от родового проклятия, от необходимости становиться ведьмой сможет человек, который искренне меня полюбит.

– Я такой человек!

Надя подняла на него сияющие глаза.

– Знаю, милый, и тоже люблю тебя всем сердцем. Нужно прочесть это заклятье, выпить отвар, который я приготовлю. Я освобожусь от влияния матери. Мы сможем уехать и никогда

не вернемся! Беда в том, что книгу нельзя убирать с ведьмино алтаря, то есть делать все придется у меня дома. Если не побоишься прийти после полуночи и...

– Не побоюсь! – перебил Николай. – Я готов хоть сейчас!

– Сейчас рано, – улыбнулась Надя. – А сегодня ночью – в самый раз.

Оба были окрылены грядущим избавлением, долго обговаривали, как и что станут делать. Надя даст матери снотворного зелья – та доверяла ей готовить отвары. Мать принимает на ночь отвар для спокойного сна, Надя увеличит дозу. В полночь девушка выйдет к калитке, встретит Николая, проведет в дом.

Николай страшно волновался: вдруг ведьма не захочет принимать отвар на ночь? Или не уснет к полуночи? А если проснется и увидит их?..

Выскользнув из дома, пройдя мимо спящей тети Зины, без четверти двенадцать Николай был уже возле дома ведьмы. Минут через двадцать калитка отворилась, Николай увидел Надю.

Никем не замеченные, они быстро зашли во двор.

– Все хорошо?

– Да, она спит.

Заговорщики на цыпочках вошли в дом. Было темно, Надя не включала свет, пахло травами, сухими листьями, чем-то горьковатым.

Девушка провела его в дальнюю комнату и закрыла за ними дверь. Ничего подобного Николай в жизни своей не видел. Комната была небольшая, окна не имелось. На стенах – странные изображения и знаки, чучела животных, полки со склянками и книгами. Половину комнаты занимал большой стол, накрытый черной тканью, на столе – толстая книга и горящая свеча, большой старинный кубок, наполненный маслянисто-черной жидкостью.

– Я открыла книгу на нужной странице. Там написано не на русском, но я переписала на листочек русскими буквами, читай с него, – быстро и деловито проговорила Надя. – Следи, чтобы произносить все правильно. Как дочитаешь, выпей зелье из кубка, а после разбей кубок.

– Громко получится, мать не услышит?

– Ничего, – отмахнулась Надя, – она спит крепко. Да и потом, как только ты разобьешь кубок, ее власти надо мной придет конец. Но не волнуйся, не услышит она, ее спальня в другом конце дома.

Николаю не нравился жуткий дом и эта комната; даже сама Надя казалась странной: взгляд жадный, нетерпеливый. Но это потому, что ей не терпится сбросить власть матери.

Надя, уловив его колебание, обвила шею Николая гибкими руками и поцеловала так, что у парня голова закружилась.

– Пора, – сказала она и улыбнулась.

Сомнения покинули парня, он сделал все в точности так, как велела любимая: прочел заклинание, выпил зелье, разбил кубок.

Ведьма не проснулась, и Надя вывела Николая из дома. Он чувствовал себя немного необычно, слегка кружилась голова. Должно быть, из-за духоты в доме. Голову будто окутал туман, и ему показалось, что Надя, запирая за ним калитку, произнесла непонятную фразу.

– Что ты сказала?

– Что люблю тебя, – нежно ответила Надя, – что благодарю за спасение.

Да, та фраза лишь послышалась.

Уже придя домой, рухнув в постель из-за накатившей слабости, Николай вспомнил: он не спросил, что дальше. Когда они увидятся? Когда смогут уехать из деревни? Не успев обдумать этого, провалился в сон.

Утром Николай не мог встать с постели, не находил сил подняться. Тетка переполошилась.

– Ты бледный! Надо температуру померить.

Термометр показал тридцать шесть и шесть, но, вопреки нормальному показателю, самочувствие Николая не улучшалось. Больше всего угнетало, что он не может пойти на реку. Надя, наверное, ждет, а он не может встать с кровати.

Тетя пригласила врача. Тот осмотрел пациента, но не нашел отклонений.

– Анализы бы сдать, без анализов непонятно, – глубокомысленно изрек доктор и ушел.

В поликлинику, в районный центр, решили поехать через день: сосед обещал отвезти на машине. Тетя Зина надеялась, что к утру племяннику полегчает, но этого не случилось. К нездоровой бледности прибавилась сухость кожи и...

– Николаша, что это? – ахнула тетя. – Никак седина у тебя?

Николай попросил зеркало и, взглянув на себя, увидел, что лицо его за ночь посерело, возле рта и глаз появились морщины. Он отбросил зеркало и закрыл лицо руками. Как предстать перед Надей таким уродом? В голове билась мысль, которую он старательно гнал от себя: почему она не приходит? Ведь Надя избавилась от ведьмовского проклятия. Он избавил ее! Бояться уже нечего. Или что-то пошло не так?

– Что с тобой творится? – спросила тетя Зина.

Николай был настолько слаб, что даже солгать сил не было. И он рассказал правду. Про Надю, про свою безумную любовь и тайные встречи на берегу реки, про полуночный обряд избавления.

Говорил, прикрыв глаза, а когда закончил, посмотрел на тетю Зину. Та застыла, прижав руки к груди, с трудом сдерживая слезы. По бледности она теперь могла соперничать с племянником.

– Бедный ты мой, – прошептала тетя. – Говорила ведь я про ведьму, предупреждала. Дура старая! Видела, ты сам не свой, надо было допытаться, что происходит! А теперь...

– Теперь? – Страшно ему стало услышать, что еще она скажет.

– Нет у ведьмы никакой дочки! – выпалила тетя Зина. – Нету! Ведьму Надеждой зовут, она сама и морочила тебя каждый день, наговорила всякого, околдовала! Нужно ей было заманить тебя в свое логово, заставить добровольно прийти и пройти тот обряд с книгой и кубком.

Комната покачнулась у Николая перед глазами. Как сквозь слой ваты слушал он причитания тетки. Хотел спросить, зачем ведьме делать все это, но не спросил. Понял уже, догадался.

На ум пришли те слова, которые, запирая за ним калитку, произнесла Надя – окаянная, жестокая ведьма, погубившая Николая. Ничего ему не послышалось, именно это она и проговорила:

– Тебе – стареть, а мне – молодеть.

Николай знал, что анализы сдавать бесполезно, врачи ему не помогут.

Ведьма забрала его молодость, его жизнь, и ничего уже не вернуть назад.

## Беспокойный дом

– Слушайте, я тут подумал: может же получиться так, что мы никогда больше не увидимся! Пять лет в одной общаге, а скоро попрощаемся – и все! – сказал Валя, оторвавшись от конспекта.

Мы, шестеро студентов последнего курса, готовились к экзамену. Валя, конечно, прав: после окончания института разъедемся кто куда, устроимся на работу. Кто знает, встретимся ли когда-то? Впрочем, с Валею мы точно будем продолжать общаться, за эти годы прямо-таки братьями стали.

– До выпускного еще дожить надо. – Славик потер виски и предложил: – Может, перерыв?

Все были только за. Который час сидим, мозги кипят. Отложили книги, освободили стол от тетрадей и учебников: решили чаю попить. Сушки, варенье, которое Славику мать на прошлой неделе привезла, булка с маслом – вот и все нехитрое угощение, но мы набросились на еду с таким аппетитом, будто перед нами были яства из лучшего ресторана. Хотя, конечно, в ресторане никто из нас ни разу не был.

– Зря наедаемся, второй час ночи, – с набитым ртом проговорил Валя, – сейчас в сон потянет.

Однако спать не хотелось, как не хотелось и продолжать грызть пресловутый гранит науки. Убрав куда подальше скучные конспекты, мы взбодрились, весело болтали, смеялись.

Все, кроме Костика.

Про него надо бы сказать отдельно. Костик – самый странный парень на нашем факультете. Высокий, красивый, он сторонился девушек, которые наперебой строили ему глазки. Да и вообще людей избегал, целыми днями торчал в библиотеке, просиживал над учебниками. Само по себе это могло быть вполне нормальным делом: нравится человеку учиться, хочет он быть лучшим на курсе, в люди выбиться стремится! Но как быть с тем, что раньше Костик был совсем другой?

Когда мы в 1975-м поступили на первый курс, он был душой компании: заводной, беззаботный, острил, на гитаре играл. Учился легко, но потому, что способный, а учебников, кажется, в глаза не видел: вечера напролет то на свиданиях, то на танцах.

А после летней сессии словно подменили человека. Что с ним случилось? Почему он изменился? Костик никогда никому не рассказывал, на все вопросы отмалчивался, а потом его и спрашивать перестали, привыкли.

Вот и сейчас сидел, как обычно, глядя в угол, будто и не замечая, что не один в комнате. Молчал-молчал, а потом вдруг сказал:

– Валька, ты хорошо подметил: мы вправду можем больше не увидеться никогда. Как попутчики в поезде, которым все можно рассказать, потому что больше никогда их не встретишь.

Фраза прозвучала необычно.

– Ты к чему клонишь? – спросил Валя.

Я думал, Костик, по обыкновению, промолчит, но он удивил.

– Если я вам расскажу кое-что, мне, может, полегчает. А что вы про меня думать станете, не важно. Сдадим завтра последний госэкзамен – и привет.

– Что ты рассказать собрался?

Валин вопрос был лишним, мы и так знали. Сейчас Костик поведаст, что с ним стряслось четыре года назад.

Так и вышло. История сокурсника потрясла меня. Оглядываясь назад, я думаю, что, будь у меня выбор, предпочел бы никогда ее не слышать. Но в тот момент, когда Костик начал

свой рассказ, никто из нас не считал, что есть на свете вещи, о которых лучше не знать. Мы притихли и жадно впитывали каждое слово...

– Тем летом я сдал все экзамены, закрыл сессию. Шел в общагу в отличном настроении. Вечером собирался с девушкой встретиться, а завтра – сдать учебники и уехать на каникулы домой, в свой городок, к матери. Но не успел прийти в комнату, как услышал, что меня зовут с вахты. Мать, мол, звонит, иди трубку возьми. Я бегом обратно. Лечу на первый этаж, сердце колотится. Мать за весь год, что я в другом городе жил и учился, всего-то один раз звонила: мы договорились, лучше я буду, так удобнее.

– Алло, – говорю, – привет, мам, ты как?

Слышно было плохо. Голос матери доносился издалека, связь прерывалась, шум слышался – гудение, шорох.

– Все хорошо, – отвечает она, – сдал?

Я ответил, что сдал, завтра домой еду, а она мне:

– Костя, я потому и звоню. Съезди к тете Зое в деревню, навести, она тебя звала. Хоть на пару дней, а потом и домой поедешь.

Тетя Зоя была родной сестрой маминого покойного отца. Жила в деревне, примерно в пятидесяти километрах от моего родного города. Когда учился в начальной школе, бывало, гостил вместе с матерью у тети Зои: мы приезжали летом на каникулы. Но потом ездить перестали (не помню, почему), прошло лет десять, как я был там в последний раз, про тетку мы с матерью не говорили. Откровенно говоря, я и забыл о ее существовании.

– С чего вдруг, мам? Ты тоже поедешь?

– Не могу, работаю. А тебе что – трудно? На денек всего! Помощь твоя нужна. Тетя Зоя старая совсем, болеет. Подсоби, сделай, что она попросит!

Мама, кажется, сердилась, но я и не думал отказываться: надо так надо.

– Съезжу, мам, не волнуйся. Удивился немного, вот и все.

Мы попрощались под аккомпанемент помех, и я пошел собираться.

Выехал рано утром, дорога предстояла неблизкая. Несколько часов на автобусе трястись, потом на электричке и пешком еще идти. Когда в четвертом часу пополудни я добрался до деревни, чувствовал себя измотанным.

Деревня была меньше, чем мне запомнилось. Народу почти не осталось: многие дома выглядели заброшенными, окна были заколочены, дворы и огороды заросли бурьяном. Однако кое-где еще жили: на веревках было развешено сохнувшее белье, в открытых окнах колыхались занавески.

Людей на улице я не встретил, но видел собак у ворот, деловито расхаживающих во дворах кур, облезлую козу, привязанную к толстому дереву. Где-то играла музыка: хозяйева слушали радио.

Дом тети Зои нашел без труда, он стоял в самом конце улицы, выглядел жалким, покосившимся. Крыша, походившая на старую дырявую шапку, разросшиеся кусты смородины, почерневшие доски, отвалившиеся от окон ставни... Что и говорить, помощь в хозяйстве тетушке не помешает, только вот одним днем не отделаешься.

– Тетя Зоя, – позвал я, входя во двор, – это Костя! Приехал тебя навестить.

Она, по всей видимости, никакой живности не держала, хотя прежде были куры, да и Шарик на цепи сидел. Теперь будка стояла пустая, цепь серой змеей валялась в пыли.

Дверь дома была приоткрыта, раздался надтреснутый голос:

– Проходи, проходи. Заждалась.

В сенях было темно и неопрятно. Тут и там валялись какие-то тряпки, горой громоздилась в углу древняя обувь: калоши, валенки. Я поспешно прошел в комнату.

Тетка сидела за столом, и при взгляде на нее у меня сжалось сердце. Конечно, надо было приехать раньше, проведать старушку. Тетя Зоя, которую я помнил моложавой и энергичной,

сидела, ссутулившись, положив перед собой ладони. Серая кожа ее была морщинистой, глаза глубоко западали, щеки ввалились. На ней было темное платье с глухим воротом, застегнутое у горла овальной брошью.

Сильнее всего поразило меня то, что тетя Зоя сидела с непокрытой головой. Седые нечесанные космы закрывали шею и плечи, а ведь прежде она аккуратно причесывалась, носила косынку, убирая волосы под нее.

– Устал? – проскрипела тетя Зоя. – Давненько тебя не видала. Вырос.

Я улыбнулся, не зная, что ответить.

– Сейчас обедать будем.

Она тяжело поднялась на ноги, опираясь на стол. Я попробовал возразить, сказал, что не голоден, но тетя Зоя, оказывается, приготовила обед к моему приезду.

Медленно, еле волоча ноги, пошаркала она в кухню, оставив меня одного. В комнате было так же неприбрано, как и в сенях, вещи сдвинуты с привычных мест: стол стоял криво, диван отодвинут от стены. Занавески свисали с гардин неровно, на люстре и мебели лежал толстый слой пыли. Пол был грязный, истоптанный, а на столе виднелись пятна и разводы.

Надо бы протереть его, подумалось мне, как за таким есть? Я положил рюкзак в кресло и направился за тетей Зоей в кухню. Вошел и увидел, что она стоит возле плиты, свесив руки, уставившись себе под ноги, точно позабыв, зачем сюда явилась.

Ноги ее были почему-то босыми, и я обратил внимание на желтые ногти. Они были чересчур длинными – что на руках, что на ногах.

– Тетя Зоя, – подал я голос, – можно мне тряпку? Стол протереть.

Она словно очнулась, услышав мой голос, и медленно повернула голову. Взгляд был застывший, тусклый, а правый глаз (прежде я не разглядел) оказался незрячим, затянутым пеленой. Тетя Зоя раздвинула губы в улыбке.

– Садись за стол, ты мой гость. Какая тряпка? Сама вытру.

Мне ничего не оставалось, как развернуться, уйти в комнату, сесть за стол, стараясь ничего не трогать. Следом приковыляла тетя Зоя, неся в руках большую тарелку с картошкой, куриным мясом и зеленым луком. Большие пальцы ее касались картошки и курицы. Мне стало неприятно, я вообще брезгливый.

Она поставила миску передо мной.

– Кушай. Готовила, старалась. Уважь старуху.

Тетя Зоя села напротив. Стол она протирать и не думала. Да что стол! Тарелка была грязная, с невымытыми краями, перья лука испачканы землей, мясо плохо прожарено, а от картошки исходил кисловатый запах.

Понятное дело, тетя Зоя плохо видит, где ей разглядеть грязь и пыль. И готовит, конечно, с трудом. Как же и ее не обидеть, и не съесть ничего?

– А ты сама? Где твоя тарелка?

– Я уж сыта, – отозвалась тетя Зоя с непонятной усмешкой. – Ты кушай, кушай. Все свое, картошка, лук с огорода.

Изо всех сил стараясь не кривиться, я поковырял вилкой в тарелке, ухватил кусочек картошки, отправил в рот, с трудом подавив рвотный позыв.

– Тетя Зоя, как ты? Как здоровье?

– А что здоровье? Сам видишь.

Мне стало стыдно: как мы с матерью могли бросить ее совсем одну?

– Давай сначала помогу тебе, а потом поем, – решительно проговорил я, встал и отодвинул стул. – Приберу, ставни почию.

Я говорил, а она смотрела на меня невидящим, но при этом тяжелым взглядом. Мне было страшновато в заросшем грязью темном доме, рядом с тетей Зоей, которая сама на себя не походила.

– Помоги, – легко согласилась она, и я вздохнул с облегчением: думал, станет уговаривать меня съесть ужасный обед. – Цветы посади.

Просьба была чудная. Цветы? Серьезно? Дел невпроворот, а ее клумбы волнуют? С другой стороны, это ее дом, она хозяйка. И не все ли равно, с чего начать?

Я вышел из дома, спустился с крыльца и сообразил, что не знаю, где лопата и цветы для посадки, куда тетя Зоя желает их высадить. Пришлось вернуться. Войдя в сени, я увидел тетку, которая стояла в дверях, по-обезьяньи свесив руки вдоль тела, склонив голову. Откашлявшись, задал свои вопросы. Она резко вскинула голову, вперившись в меня взглядом:

– Цветы? Какие еще цветы? Зачем они мне? Ишь, выдумал!

Я оторопел, сбитый с толку злобой, прозвучавшей в голосе старухи, хотел ответить, что она сама заговорила о цветах, но услышал грохот в сарае, где тетка раньше держала кур. Воспользовавшись этим, выскочил из сеней и бросился в курятник, однако сразу увидел, что падать там было нечему. В отличие от захламленного дома, он был пуст, если не считать осиротевших насестов для несушек и нескольких деревянных ящиков.

Показалось? Нет, я был уверен, что слышал грохот!

Возможно, что-то упало в другом месте. Это большого значения не имело, а вот что было важным, так это то, что тетя Зоя тронулась умом. То ей цветы подавай, то она ругается, когда про них говоришь.

«Надо сказать матери, нельзя оставлять тетю здесь», – размышлял я, спеша обратно в дом.

Думал, тетя Зоя так и стоит в сенях, но ее не было, ушла в дом. Однако и в доме ее не было тоже. Я прошелся по всем трем комнатам, заглянул во все углы, посмотрел на кухне и убедился: нигде нет!

Куда она могла подеваться? В огород ушла? Тетя Зоя еле ходит, каким образом проскочила туда с такой скоростью, меня и не было-то всего минутой!

Решение уехать созрело моментально: я просто понял, что не в состоянии оставаться. Это место казалось все более странным. Я даже на мать сердился: зачем она послала меня сюда?

Придя в большую комнату, где на столе стояла тарелка с отвратительной едой, я хотел взять рюкзак, который так и лежал в кресле, но услышал слабый жалобный голос:

– Костенька, милый, это ты?

Я замер на месте. Тетя Зоя все же в доме?! Метнувшись в ее спальню, я увидел, что старушка лежит в кровати, натянув одеяло до подбородка. Я был готов голову дать на отсечение: ее тут не было! Но... вот же она.

– Вам нужно что-то? – Это прозвучало отрывисто.

– Ой, много чего надо. Мама велела тебе делать, что попрошу, подсобить. – Голос был плаксивым. – Ты помоги! Или уехать собираешься? Так ведь ночь, куда поедешь?

«Какая еще ночь, – подумал я, – белый день на дворе!»

Посмотрел в окно и увидел, что вправду стемнело. Вскинул руку к лицу – наручные часы показывали десять вечера. Как это возможно?! Я метался по двору, а солнце только-только начало клониться к закату!

Пока я старался привести мысли в порядок, тетя Зоя снова подала голос:

– В комнате ляг, дверь только не закрывай. Вдруг мне что ночью нужно будет. Слабая я совсем, сам видишь.

Я размышлял, что делать, хотя думать, в общем-то, было не о чем. Сейчас поздно, на последнюю электричку, вероятнее всего, мне не успеть, до станции путь неблизкий. Тетя Зоя нуждается в помощи, оставить ее я не могу.

Спустя некоторое время я устраивался на ночлег. Комната, в которой я и раньше ночевал, когда приезжал сюда, находилась напротив теткиной. Двери обеих комнат были распахнуты

настежь, но кровать тетки я не видел, потому что мой диван стоял в другом углу. Я лишь слышал, что она время от времени кряхтит и ворочается.

На душе было беспокойно, поэтому заснуть я и не пытался. Лег в одежде, не стал раздеваться, только обувь снял. Однако усталость взяла свое, я все же задремал. Бывает такое состояние, когда балансируешь между сном и явью, соскальзывая в дрему. Еще немного – и я, наверное, заснул бы покрепче. Что тогда со мной было бы, даже представить не могу...

Но я все же не спал, поэтому, заслышав шорох, открыл глаза. Тьма не была полной: в окно светила луна, я хорошо видел всю комнату. На потолке, возле двери, что-то чернело. Пятно, которого прежде не было.

Мне пришла в голову глупая мысль, что это плесень. Только разве плесень может шевелиться? А я с замирающим сердцем видел, что пятно шевелится, движется в мою сторону. Страх пригвоздил меня к дивану. Может, я сплю, мелькнуло в голове. Но я не спал! Не спал и видел, как черная тень кляксой ползла по потолку.

Казалось... Трудно даже выговорить такое, но мне казалось, моя тетка, распластавшись по потолку, подбирается ко мне. Я видел ее костлявые тощие руки с кривыми ногтями, длинные седые лохмы и полуслепые глаза, которые смотрели прямо на меня!

Не знаю, как хватило сил, но я протянул руку и включил светильник на ножке, стоявший возле дивана. Боялся, свет не зажжется, но мне повезло. Я приготовился к тому, что зловещая тварь прыгнет на меня с потолка, но в углу, конечно, никого не было.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.